

*Н.Э. Сейбель**

**ЭССЕ А. ШТИФТЕРА «ÜBER SCHULE UND FAMILIE»
И РОМАН «DER NACHSOMMER»:
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**

Задача данной статьи — показать, как теоретические представления австрийского писателя и педагога А. Штифтера, изложенные им в статье «О школе и семье», воплощаются в художественной ткани романа «Бабье лето». Некоторые из положений штифтеровской публицистики — идея целесообразности и воспитательного значения красоты, необходимости разумного самоограничения и другие — являются определяющими для всего его творчества. Другие, например обязательность государственной школы, дополняющей семейное воспитание, — были со временем пересмотрены. Проходя проверку художественностью, многие представления Штифтера разрушаются или подвергаются переосмыслению.

Поэт, педагог, архитектор и художник Адальберт Штифтер внес значительный вклад в историю искусства. Едва ли не основная задача, которую он ставит и многократно формулирует [3, V; С. 10], — сохранение свидетельств культурного развития человечества, поиск гармонии между миром цивилизации и природы, между прошлым и настоящим. Учредитель «кроткого закона», певец Красоты и Покоя отстаивает идеи поступательного развития человека и человечества не только в своем творчестве, но и в трудах по эстетике, и в педагогических трактатах. Насколько тесно связаны друг с другом его художественные произведения и исследования школьной практики, показывает сравнение двух текстов: цикла эссе «О школе и семье», опубликованных в «Венском курьере» в 1849 году, и воспитательный роман «Бабье лето» (1856).

Уже вступление эссе «О школе и семье» содержит определение нескольких очень важных параметров штифтеровского мышления.

Во-первых, подход к человеческой жизни как к целенаправленному движению к духовности, строгости, добровольному самоограничению во имя разума. Штифтер — воспитатель. Дидактическую задачу он снова и снова ставит в большинстве своих текстов. Показательна приверженность Штифтера к воспитательному жанру в самом широком смысле слова, к нему относятся и «Кондор», и новеллы «Пестрых камней», и «Полевые цветы», и «Лесная тропа», и, конечно, «Бабье лето». Для Штифтера принципиально, что герой не развивается в столкновении с «отцами», а «произрастает» на почве традиции, в мире и единении с лучшими представителями предшествующего поколения. Автор жертвует событием, порожденным оппозиционностью героя и мира, ради смысла духовного самостановления человека.

Во-вторых, в начале эссе «О школе и семье» дается представление об уровне сложности и необходимости изучаемого предмета. В эссе предлагается градация: сам человек — вещь — дело. В ее основе — порядок столкновения человека с «предметом познания». В романе «Бабье лето» Штифтер выстраивает обратную логику, исходя из

* © Сейбель Н.Л., 2005

Сейбель Наталия Эдуардовна — кафедра литературы и МПЛ Челябинского государственного педагогического университета

сложности предмета для понимания и изучения. Герой проходит в романе четырнадцать обозначенных автором этапов взросления. Путешествуя по плоскогорью, Генрих изучает «телесный облик» [7. С.41] предметов, растений и животных, воспринимая их идентичными их собственной поверхности, не пытаясь проникнуть в глубь, в содержание. Преодолев границу леса, герой начинает воспринимать мир в его неопределенности, стремится постичь связь предмета с исторической эпохой, его произведшей, а следовательно, воспринять его историческое и духовное содержание, обращается к поэзии, ценит тихие, простые разговоры и ставит художественные задачи, берясь рисовать. Добравшись до каменных круч, он пытается осмыслить историю культуры в целом, определить, что такое Красота, Покой. Он оказывается способен оценить величие человека как соотносимое с величием природы в ее наиболее значительных проявлениях (даже лицо возлюбленной обладает для него недюжинностью камен).

Наконец, в-третьих, выстраиваемый Штифтером в эссе однородный ряд симптоматично заканчивается глаголами с общей семантикой речевой и духовной деятельности (*reden und jauchzen*). Ликование (просветленная радость, умеренная, порожденная не осуществлением желаний и страстями, а соприкосновением с божественной гармонией) напрямую связано у Штифтера со словом, вернее, с ограничением его употребления. Он фиксирует значимость беседы, рекомендуя герою выбрать занятие, достойное того, чтобы беседовать о нем вечерами («Старая печать»), но многократно подчеркивает, что идеальный разговор тот, который ведется о «простых вещах». Он трактует слово так же, как он трактует вещь: поверхность отражает внутреннее, предчувствуемое, но не выразимое содержание — за непроницаемым потоком простых слов, как за мраморным орнаментом панели скрывается значительный потенциал смысла, который может быть реализован в соответствующих условиях. А потому самые значительные чувства и мысли не обязательно нуждаются в законченности слова и, во всяком случае, порождены отдельно, независимо от него.

Одна из главных идей, многократно повторенных Штифтером в эссе, — идея разумного самоограничения — актуальна для всего его творчества. В эссе «О школе и семье» он пишет: «Если человек мудр, он наслаждается радостью мира с мерой и знанием и учится все больше себя ограничивать и хранить честь; так как, в действительности, никакое учение не сложнее, чем то, которое позволяет наслаждаться радостью, данной миру Богом. И большая беда, поистине наибольшая, которая выпадает людям, когда они обессилили себя отсутствием меры, утратили силу для Необходимого и Великого» [5. С.23].

Любое познание, что наглядно демонстрирует сюжет романа «Бабье лето», имеет, в конце концов, цель духовного становления личности. Накопление знаний провоцирует духовное развитие, приближающее человека к осознанию внутренней связи всех событий и предметов, внушающее ему идею нравственной ответственности и самоограничения. «Если исключить вещи, которые связаны с удовлетворением телесного или животного начала в человеке, вещи, длительное влечение к которым, отмечающее все остальное, мы называем страстью, так что нет ничего ошибочнее, чем говорить о благородных страстях... Любить как абсолютную ценность и с абсолютной привязанностью можно только божественное или, собственно, только Бога. Но поскольку Бог для наших земных чувств слишком недостижим, любовь к нему может быть только поклонением, и для любви к нему на земле он дал нам части божественного в разных формах, к которым мы можем склоняться» [7. С.457]. Этот пассаж из поучительного монолога барона Ризаха, с которым он обращается к своему воспитаннику, наглядно показывает всю сложность комплекса этических воззрений Адальберта Штифтера.

Любовь к Богу, руководящая каждым жизненным фактом и поступком, — что может быть иррациональнее этой «изначальной установки». Однако ее следствия у Штифтера носят сугубо прикладной характер: он исследует пути и методы постижения мира, обладающего для него «скрытыми» механизмами действия и недоступного человеку во всей полноте смыслов; он пытается найти формы регулирования отношений человека с природой; наконец, возлагает особую ответственность на человека, который равно способен как к «божественной любви», так и к страсти, а потому нуждается в скрупулезной регламентации поведения. В связи с тщательностью и последовательностью решения им этих задач автора не раз упрекали в излишнем рационализме. Он сам писал: «Не является ли Бог в созданном им мире наиболее реальным? Если искусство подражает частностям мира, оно должно изображать их настолько похожими на настоящие, насколько это возможно... Но если оно сверх того ничего не имеет, оно не искусство» [3, VI, С.447].

Каждый духовно развитый герой у Штифтера должен иметь семью (как господин Дрендорф), добровольно принимать участие в воспитанниках (как Ризах) или нести ответственность за младшего (как Генрих). Жизнь каждого человека вписана в контекст истории. Исторические знания предполагаются как наиболее важные и в эссе, и в художественном творчестве Штифтера. «Замок дураков», «Старая печать», «Абдиас», «Бабье лето», наконец, «Витико» центральной темой имеют движение истории. На протяжении всего творчества автор пытается найти возможности равновесия между двумя ее направлениями, двумя очевидными тенденциями: деградацией и прогрессом, разрушением и сохранением, развалинами и созиданием нового стиля. Однако знак неразрешенности исторического противоречия сохраняется в самом гармоничном и утопичном романе «Бабье лето». Герой дважды (в кульминационной и финальной сценах романа) повторяет фразу о том, что, возможно, есть еще что-то, что делает человека счастливым, помимо того разумного и спокойного счастья, которое он уже обрел.

Другая важнейшая тема Штифтера — семья. «В самые древние времена человечества, — пишет он в эссе, — отец учил сына натягивать лук, преследовать дичь, которую указывали ему небеса, он учил его, какие чувства и пристрастия делают человека счастливым, и какие могут втягивать его в распри и ссоры и повергать в бедствия. Мать собирала дочерей вокруг себя и учила их своим примером...» [5. С.25]. Роман «Бабье лето» представляет идеальный воспитательный образец. Семейное воспитание в романе связано с образом отца Генриха — господином Дрендорфом. Строгость норм, царящих в семье, обеспечивается его авторитетом. Начало романа симптоматично определяет место отца как главного носителя идеи семейного порядка. Не случайно Э. Дангел-Пеллокин сравнивает начало романа с библейским текстом [1]. В семье ребенок существует в системе императивов, значение которых он может не осознавать. Правомочность запретительно-охранительного воспитания в раннем детстве Штифтер обосновывает в эссе «О школе и семье»: «Детям от природы свойственно рассматривать родителей как высший авторитет в этом мире, принимать от них все охотно, подражать им и считать их слова святыней» [5. С.26]. В романе показана значимость такого воспитания: оно закладывает основы морали, представления ребенка о порядке, правильности и духовности. Представления настолько устойчивые, что, уже будучи взрослым, Генрих отходит от окна и даже уходит из комнаты, когда случайно вынужден подслушать разговор Ризаха и Матильды об их прошедшей любви.

Отец ассоциируется у героя с идеей долга и труда. Лишь много лет спустя, когда сын оказывается достаточно подготовлен к пониманию высокого искусства, он обнаруживает, что его представление об отце было ограничено. Господин Дрендорф предстает воплощением жертвенной любви родителя, любви, которая всегда недооценена, но спо-

собна к прощению сыновнего невнимания. Показательно, что, представляя семью, рассказчик лишь в последнюю очередь упоминает мать. В первой главе «Бабьего лета», описывая домашний порядок, автор дважды подчеркивает, что мать идет против природной доброты и мягкости из страха перед отцом. Здесь мы однозначно на стороне М. Вюдер, которая пишет: «“Страх” должен пониматься здесь как “порыв души, исходящий из сознания своей ничтожности (Geringersein), долг и внимание по отношению к более возвышенной сущности или вообще более высокому”» [6. С.164]. Мать со своей «неразумной» любовью должна быть особенно ответственной, чтобы способствовать воспитанию детей. И благой пример — лучшее, что она может сделать. Так, в романе идиллии семейной школы, семейного воспитания оборачивается и другой, нежели в эссе, — грустно щемящей — стороной: истинная любовь родителей жертвенна и требует от них каждодневного самоотречения. Она может остаться неоцененной, и лишь благодаря возвышенным задаткам сына восстанавливается семейная гармония.

В своем эссе Штифтер выделяет четыре уровня знаний, которые начальная школа должна дать человеку: язык и письменная речь, число и счет, навыки гражданина и добродетель. Как это часто бывает у Штифтера, начиная с прикладных знаний, он постепенно переходит к тому, что считает более значительным: знаниям и навыкам гражданина и благочестивого человека: «Наконец, еще одна потребность человека, самая человеческая, чтобы он стал хорошим, благонравным и порядочным... Ничто в этом мире не значительнее и не достойнее любви, чем человек. Ничто не делает людей, каждого в отдельности и в государстве в целом, счастливее и чище, чем добродетель, и ничто не делало издавна человека, государство и целые народы несчастнее, не повергало их в бедствия больше, чем порок» [5. С.31].

Штифтер пропагандирует «кроткий закон» — «у гибнущих народов сначала исчезает мера» [10. С.477]. Он противопоставляет общее и частное, стремление понять суть — стремлению овладеть предметом, внимание к внутренней взаимосвязи людей и вещей — задаче удовлетворения сиюминутных желаний. В соответствии с этой установкой он строго дифференцирует единичное, случайное, возможное во множестве вариантов, и сущностное, единое для любых частных предметов, устанавливающее их взаимосвязь друг с другом. На протяжении всего творчества Штифтер неизменно дифференцирует строгое и упорядоченное мерой, поэзией, духом, верой чувство и стихийные порывы. В ранних «Полевых цветах» написано: «Величие естественно возросшей души в том и состоит, что болезненное, слезливое, эгоистическое чувство, которое обыкновенно зовется у нас любовью, хотя на самом деле есть всего лишь плотская страсть, робеет перед нею и прячется» [9, 98]. В «Бабьем лете» это отличие уточняется и разворачивается. Собственно «страсть» или «allerlei Gefühle (разнообразные чувства)» [4. С.29; 167 и.а.] не являются предметом авторского внимания, а, оказываясь в числе «запретов» (детям запрещено заходить в спальню родителей, запрещено ходить в театр — он может породить «всяческие чувства», Густаву запрещено подряд читать все книги Гете — он может наткнуться на что-нибудь «несвоевременное» и т.д.), попадают в сферу «умолчания». Иррациональные порывы, по Штифтеру, должны тщательно контролироваться и смиряться разумом и мерой.

Но тихая, просветленная любовь обязательна в жизни благочестивого человека и составляет значительный предмет обучения. В «Горном лесе» старый егерь рассказывает о бабочках-траурницах. Очевидная аллегория, предложенная не под видом наставления, а как простое пояснение естественнонаучного плана: «Все дело в том, поженятся они или нет. Эти создания умирают вскоре после свадьбы, и я не раз находил бабочку-мать на той же веточке, где она отложила яйца. А вот коли до свадьбы не дойдет, они

цепенеют... и встречаются затем со своей обетованной весной. Едва пригреет солнышко..., иной раз замечаешь в воздухе бабочек с поблекшими, обтрепанными крылышками, похожих на увядшие прошлогодние листья. Это и есть такие “зимовщицы”» [9. С.286]. В этой новелле рассказ о бесполезной и блеклой старости — явный аналог будущей судьбе героини. В «Бабьем лете» схема рассуждения гораздо сложнее. Автор пытается соединить две традиционно воспринимаемые как противоположные идеи: любовь как основа семьи и семья как обязанность человека, основанная на мере и разуме. Предупреждая возможные ошибки, барон учит — нельзя основывать семью без любви. Казалось бы, романтическая пропаганда: любовь превыше всего — налицо. Но все аргументы в пользу любви и счастья связаны с уже ушедшим в прошлое или будущим шагом, за счет чего она остается неким удаленным во времени, фантастическим, утопическим проектом. В противоположность существующая, наличествующая семья (семья Дрендорфов) опирается на «взаимное уважение», «страх», «почтение», составляющие если не противовес, то, по крайней мере, некую спецификацию любви. При переводе прошлого и будущего времени в настоящее чувство в романе неизменно трансформируется в действие и обязательство. Это видно и на примере Генриха и Наталии, когда после сильно редуцированного объяснения идет троекратно повторенное действие: посещение всех косвенных участников свадьбы (родных, семьи) и выработка планов дальнейших действий с учетом интересов каждого из них.

Отдельной темой эссе «О школе и семье» становится ремесленная школа: «Специальная школа должна добавлять еще и те исполнительские навыки и знания, которые необходимы в профессии» [5. С.36]. То, как предстает в романе «Бабье лето» мир социальный, составляет предмет особого исследовательского интереса. Сам автор говорил, что создает произведение сугубо поэтическое, не имеющее никакого отношения к безбожию и развращенности окружающей его действительности [3, VI, С.354]. Но дисциплинированность и строгость мышления способствовали тому, что роман все же отразил наиболее значительные общественные связи и характеристики, которые проявляются, прежде всего, в городских сценах. С ними связаны знаки социальной дифференциации, определение социального и имущественного положения каждого вновь появляющегося персонажа. Генрих же посвящен в сферу утопии. Воспринимая эстетические взгляды своего гостеприимца, он постигает и социальный уклад, в основе которого идея ценности, сознаваемой через категории полезности и красоты. Социальный мир Штифтера основан на взаимосвязях и взаимопроникновениях. Простота отношений является продолжением естественности и гармонии, которые диктуются идеей царящей в природе целесообразности. Идеальный дом (например, родительский) устроен так, что приказчики обедают с господином и госпожой. Душевность и радование садовника в имени Ризаха делают его не меньше творцом, поэтом своего дела, чем его хозяина. Каждый герой имеет определенную социальную характеристику (торговец Дрендорф, княгиня, государственный чиновник Ризах, землевладелица Матильда и т.д.), простота — не знак разрушения социальной структуры, а результат нового основания отношений — целесообразности. Представления о классах лишены внешних форм, но осознаются и учитываются в определении круга обязанностей. Владение землей возлагает ответственность на представленный ряд соседей Ризаха и него самого, управление работниками и приказчиками (на Генриха и его отца). Те, кто лишен этой простоты отношения с младшими, нарушают установленную социальную гармонию.

Получающий идеальное образование Генрих проходит путь овладения едва ли не всеми профессиями, необходимыми в горах. Он начинает с крестьянского труда и добычи угля, изучает процесс изготовления предметов и, лишь пройдя все профессиональные ступени, переходит к науке и живописи. Аналогично, с низов торгового дела, начинается его

отец; с низших чиновных должностей — будущий министр Ризах. Профессиональное образование — в каждом случае необходимый компонент, но ни один из любимых героев Штифтера на нем не останавливается. «Остановившиеся» же, напротив, попадают в разряд тех нерадивых работников, о которых говорит Ризах, что за ними водится тяжкий грех самодовольства, что, добившись незначительных успехов, они говорят: «Сойдет и так». Сначала Дрендорф и Ризах, а затем и Генрих проходят путь от изучения к деланию. Причем «деланию» творческому — рисованию, реставрации памятников и картин, производства предметов в новом стиле, основанном на сочетании практичности и красоты, то есть лучшего, что могут дать современность и традиция.

Искусство и искусственность в эстетике Штифтера родственны. Мастеровитость, усложненность и целесообразность необходимы как неадекватная, но все же замена таланту, гению, творчеству. То, чему можно научить, — пишет он в эссе, — «не называется искусством в наиболее высоком смысле, но это, например, то, что требует очень большой сноровки и упражнения...», но это и способность производить нечто, что волнует сердце человека чрезвычайной красотой, что поднимает, делает тоньше, смягчает, склоняет ко всему хорошему, учит благоговению и уважению Бога. Таким образом, в более высоком словоупотреблении во все времена цели обучения заимствуются у искусства» [5. С.45]. Собственно Художники в их возвышенной мечтательности и еще более возвышенном трагизме постепенно перестают интересовать Штифтера. К их числу еще можно было отнести персонажей «Полевых цветов» и «Кондора», но не героев «Пестрых камней» и «Бабьего лета». Творческие задатки приобретают у героев романа гораздо более возвышенное, с точки зрения автора, применение. Они способствуют добродетели. Они становятся средством понимания Красоты и Природы. Они — путь к осознанию высокого назначения человека быть гарантом сохранения традиции и прогресса.

В конце Штифтер возвращается к главной идее кротости и благочестия как нравственной основе воспитания: «Я, полагаю, подтвердил, что нет никакой другой болезни времени, кроме незнания и нечестности, и что все дурное, что произошло в мире в недавнем прошлом, произошло только от этих двух вещей. Да я утверждаю: вообще нет других дурных качеств, кроме неразумности и подлости; все другое, что мы называем дурным, является только неприятностью, которую мы случайно порожаем разумом и добросовестностью и большей частью уже предвидим и можем предотвратить. Никакой мировой дух, никакой рок не управляют миром. Все, что приносит людям добро или зло, люди делают сами» [5. С.50].

Автор признает: «Опыт предшественника так редко делает наследника умным» [5. С.52]. Но в художественной ткани романа все же однозначно торжествует поэтическая конвенция прогресса. Генрих и Наталия женятся, восстанавливая мир в двух семьях. Их свадьба — пакт добродетели. Молодость и старость устремлены к одной цели — служение истории и, через нее, Богу. Развитие не остановлено счастливым финалом, и перспектива сохранить имение в неизменности отвергнута. «Мы еще ... изменим, улучшим, построим», — финальная надежда Ризаха.

Библиографический список

1. Dangel-Pelloquin E. Im Namen des Vaters. Romananfänge bei Stifter und Keller // Zeitschrift für Deutsche Philologie. Bd. 122. H. 4. Berlin, Bielefeld. München, 2003. S. 526 – 544.
2. Saße G. „Um gewisse Linien und richtungen Anzugeben“ Zur symbolischen Ordnung in Stifters Erzählung „Der beschriebene Tännlung“ // Zeitschrift für Deutsche Philologie. Bd. 122. H. 4. Berlin, Bielefeld, München, 2003. S. 509 – 525.

3. Stifter A. Werke und Briefe. Historischkritisch Gesamtausgabe / Hgs. von Alfred Doppler und Wolfgang Frühwald im 6 Bdn. Stuttgart, 1978.
4. Stifter A. Der Nachsommer. München, 1980. 720 s.
5. Stifter A. Über Schule und Familie. Nürnberg, 1973. 69 s.
6. Wyder M. Vorhof zum Tempel: Der Anfang von Stifters «Nachsommer» // Sprachkunst. Jg. XXX, H. 2. Wien. 1989. S. 149 – 175.
7. Штифтер А. Бабье лето / Пер. С. Апта. М., 1999. 616 с.
8. Штифтер А. Лесная тропа. Повести и рассказы / Пер. С. Апта. М., 1971. 570с.
9. Штифтер А. Полевые цветы. Кондор. Горный лес / Пер. Н. Федоровой. М., 2002. 312 с.
10. Штифтер А. Предисловие к «Пестрым камням» / Пер. С. Апта // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. 3. М., 1967. С. 471 – 478.

N. Seybel

**THE ARTICKLE OF SHTIFTER'S «ÜBER SCHULE UND FAMILIE»
AND HIS NOVEL «DER NACHSOMMER»:
PEDAGOGICAL THEORY AND ARTISTIC PRACTICE**

The goal of this artickle is to show how teoretical conceptions of the Austian author and teacher A. Shtifter, which he resumed in the artickle «Uber Schule und Familie», put into the style of the novel titled «Der Nachsommer». Some of conceptions Shtifter's publicistic is idea of expediency and teaching meaning of the Beauty; necessity of rational self-restraint and the others. They determine Shtifter's creative activity. They others, for example, compulsory state education, adding family education, were changed later. Some Shtifter's deas are breaking.